

КРИЗИС В ЭКОНОМИКЕ И КРИЗИС В ГОЛОВАХ

С Александром Захаровым беседуют Алексей Козырев и Иван Фомин

«Ближе к тексту»

Козырев, Фомин: Александр Владимирович! Тема первого номера нашего журнала — кризис. Кризис в финансово-экономической сфере, и, разумеется, кризис в той сфере, которая интересует нас, в силу специфики нашего журнала, в первую очередь — кризис в интеллектуальной, философской и культурной сфере. Что вы думаете о природе этого кризиса, о его истоках и основных характеристиках?

Захаров: Я сейчас стал чаще заглядывать в первоисточники. Вот на столе лежит книга Ф. Хайека «Дорога к рабству». XX век прошел под знаком столкновения двух

экономических доктрин. Д.М. Кейнс в 1936 году опубликовал «Общую теорию занятости, процента и денег», и спустя 8 лет — 1944 год — Хайек выпустил свою классическую работу. Две разные доктрины: либо больше свободы рыночным отношениям, либо усиление государственного начала. Сегодняшняя национализация банков на Западе — кошмарный сон Хайека. Эти сталкивающиеся экономические доктрины появились не случайно. Они не в кабинетах вызревали, были живым откликом на действительность. Что такое 1936 год, Кейнс, «Общая теория занятости»? Эта книга написана под впечатлением Великой депрессии в США, и исходным моментом кризиса там тоже был надутый фондовый пузырь.

Лопнули биржи, лопнули банки, дальше по тексту. Надо было понять, — что делать? Хайек также находился под впечатлением Великой депрессии и Второй мировой войны. Это был либеральный манифест, ответ на то, что видел Хайек в конечном пункте усиления роли государства: фашизм или коммунизм.

Для философского журнала особенно интересно, что этот кризис является не только кризисом экономическим, но и кризисом идей. США и другие страны (а также народы) ищут новые ориентиры и новые основания для лидерства. В этой связи уместно вспомнить Кейнса: «И верные и ошибочные идеи экономистов и политических философов гораздо могущественнее, чем принято думать. На деле мир подчиняется исключительно им».

«Возобновление Истории»

Козырев: У кризисов свое летоисчисление?

Захаров: Известный французский политический мыслитель Монтбриаль сказал, что август–октябрь 2008 года, видимо, войдут в историю как старт четвертого этапа развития мира за прошедшее столетие — реальное, а не календарное начало XXI века. Это столетие, по его мнению, началось в августе 1914 года, который закончил «прекрасный» XIX век и открыл «сверхжесткий революционный» XX век. А XXI век, по-настоящему, начинается в эти дни...

Таким образом, в зависимости от выбранного смыслового или исторического ракурса может определяться и точка отсчета кризисного летоисчисления. Если, например, акцент больше делается на финансово-экономическую составляющую современного кризиса, то его генезис можно было бы проследить, начиная с анализа решений, принятых в Бреттон-Вуде. Именно в это время, на исходе Второй мировой войны закладывалась система послевоенного мироустройства, определялись принципы функционирования мировой финансовой и экономической системы. Если говорить о кризисе идей и ценностей, тогда вспомним уже упомянутый август 1914 года, когда произошел перелом современной истории. Что явил человечеству XX век? Самые чудовищные и масштабные столкновения народов произошли именно в этом веке во время двух мировых войн. И самое печальное при этом, что такое жестокое «выяснение отношения между народами» происходило в рамках христианской цивилизации и ее ценностей. На смену Веку Просвещения пришло время утраченных иллюзий и потерянных поколений.

«Кризис христианства и европейской цивилизации»

Козырев: Может быть, это ужасное столкновение христианских народов в XX веке говорит о том, что христианство все еще пассионарная религия, пассионарная цивилизация?

Захаров: Либо о том, что в XX веке наступил европейский и христианский кризис жанра, то, что Шпенглер на-

звал в одноименной книге «Закатом Европы». Поэтому и то, и другое утверждение требует отдельного обоснования и осмысления.

Козырев: Ведь Гитлер вспоминал Барбароссу и идеологию крестовых походов. И определенного рода арийская и арианская мифология у него присутствовала.

Фомин: Это была не христианская идеология. В большей степени языческая...

Захаров: Я бы сказал по-другому. Христианские народы забыли Бога и бросились в эту бойню. Нередко, когда говорят о ценностях, люди скучнеют, думают: сейчас будут твердить про 10 заповедей, которые были переданы Моисею для богоизбранного народа, или что-то в этом роде. А между тем многим и невдомек, что монументальные, канувшие в Лету империи и государства зиждились на ценностных фундаментах не в меньшей степени, а может и в большей, чем на экономических. Вспомним для разрядки Древний Рим. Падение древнеримской империи. Исписаны тысячи страниц на тему: почему не устоял некогда могущественный Рим? Причин много, но среди основных явно выделяются: падение нравов и разрушение сложившейся системы ценностей. В I веке н.э. в Риме появились Калигулы и Нероны, а с ними разгул, разврат, жестокость. Власть ради власти, никаких идеалов нет. Это было начало агонии римского государства. Власть, в отсутствие ценностного фундамента, «пошла по рукам» (особенно в эпоху «солдатских императоров») как продажная девка. Исход был предreshен. Падение Рима стало неизбежным.

Козырев: Когда мы говорим о ценностях, мы подразумеваем моральные ценности?

Захаров: Не только.

Козырев: Леонтьевское разнообразие, красота являются ценностью?

Захаров: На мой взгляд, еще как являются. По мнению некоторых философов Красота входит в первую тройку высших ценностей, включая еще Истину и Добро. Например, Владимир Соловьев полагал, что «красота нужна для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира». Единство же Красоты с Добром и Истиной (как считает Соловьев) и есть основание для известной формулы Достоевского: «Красота спасет мир».

От Красоты может быть недлинный путь до Смысла. Ценность с большой буквы — это то, что преобразует мир, составляет духовную основу личности, обладает большой преобразовательной энергией. Вспомним, как ареопаг римских богов был буквально ниспровергнут мощной энергетикой христианского вероучения и его первых адептов. Вооруженные только словом и верой первые христиане оказались многократно сильнее властей предрежащих. Их стойкий дух превозмог все и не сломился, даже когда новых ревнителей веры травили зверями на гладиаторских аренах.

«Кто виноват?»

Захаров: Добавьте к этому вопросу «что делать?», и вы не найдете более любезных русскому сердцу вопрошаний. Опуская долгие рассуждения, среди главных

причин нынешнего кризиса видится, прежде всего, обыкновенный человеческий порок, один из смертных грехов, который называется Жадность. Десятилетиями создавалась система, когда люди жили не по средствам, на широкую ногу. В США ипотечный финансовый пузырь раздувался медленно, но верно. Достиг неимоверных размеров, как Вавилонская башня, «до небес». «Навес обязательств», производных инструментов, который возник на Уолл-стрит, в десятки раз превышает ВВП отдельно взятых стран, в том числе Китая. И вот грянул кризис. Пришел как лекарь, как судья.

Что еще здесь можно добавить? Хотя можно попробовать назвать и конкретных виновных из числа некоторых государств, международных и национальных финансовых институтов или высокопоставленных лиц. Такие попытки уже делаются. И что с того? Главный вопрос остается открытым: кризис рукотворен? Если да, то найдется с кого спросить. Если нет, тогда кризис надо рассматривать, как некую производную от плохо взнуздываемой рыночной стихии и неизживаемых человеческих пороков. Тогда в каком направлении вести поиски виновных? Может, лучше для начала самоуглубиться...

«Кризис и Россия: миссия и модернизация»

Захаров: Россия в течение длительного периода существовала с ощущением своего высокого исторического предназначения, иными словами, осознавала себя как государство с миссией. Название миссии известно — «Третий Рим». Серьезный удар по этой мессианской идее нанес Петр I. Он укрепил государство, создал империю, осуществил модернизацию, но при этом был замечен в создании «Всешутейших соборов», т.е. в неуважении к православным ценностям. Было упразднено Патриаршество, влияние церкви на государственные дела было весьма серьезно секвестировано. Петру I нужна была свобода действий. Он «прорубил окно в Европу». Тут не до «Третьего Рима». Задача была в другом — просветить «немытую» Россию. Вывести ее на европейский уровень развития.

Фомин: Но ведь тогда стоял вопрос о самом выживании русского государства. Ведь если бы не было петровской модернизации, Россия могла бы разделить участь Китая, Индии и стать колонией еще в XVIII веке...

Захаров: Возможно. Тогда сегодня мы размышляем о том, насколько высоки были «издержки петровской модернизации», которая нанесла весьма ощутимый удар по нравственным устоям общества. Мораль и нравственность были отодвинуты на второй план. Главенствовал принцип: цель оправдывает средства. Можно предположить, что последствия первой российской модернизации в этой части мы и сейчас ощущаем. При этом, если говорить о практических результатах, то они были внушительны. Петр I «привел в чувство» Россию, сделал ее другой, вне всякого сомнения, более сильной, более просвещенной, более технологичной, более европеизированной.

Вторая модернизация, как известно, была проведена Сталиным. Также стояла задача выживания. Плюс была сверхзадача: явить миру образец строительства комму-

низма или хотя бы развитого социализма. Вновь намеченные рубежи были успешно взяты. Цена вопроса хорошо известна. Тоталитарный режим, использование рабского труда многих миллионов граждан — эзков, отсутствие какой-либо свободы личности и реальных гражданских прав, жизнь в постоянном страхе реинкарнироваться еще при жизни во «врага народа» и т.д.

Итогом «битвы за модернизацию» явилось превращение России в хорошо вооруженную и внутренне опустошенную страну, потерявшую значительную часть своего нравственно-интеллектуального потенциала.

О необходимости очередной модернизации российской экономики немало было сказано и за последние годы. Ну что-то пока всерьез не решились приступить к ее реализации. Видимо, реформы должны созреть. Мало того, на реформы еще нужно решиться. В России чересчур смелые начинания подчас кончались гибелью реформаторов. Вспомним участь Александра II или Столыпина.

С начала 90-х годов Россия самым решительным образом поменяла свои ценностные установки, выбрав рыночный путь развития. Было провозглашено: даешь рынок! Через достижение экономических свобод двинемся к свободам гражданским! Цена вопроса? Невысокая, почти бесплатно. Россия отказывается от притязаний на какую-либо историческую миссию или сверхзадачу. Мы уже не Третий Рим (и не полигон для реализации социальных утопий). По умолчанию.

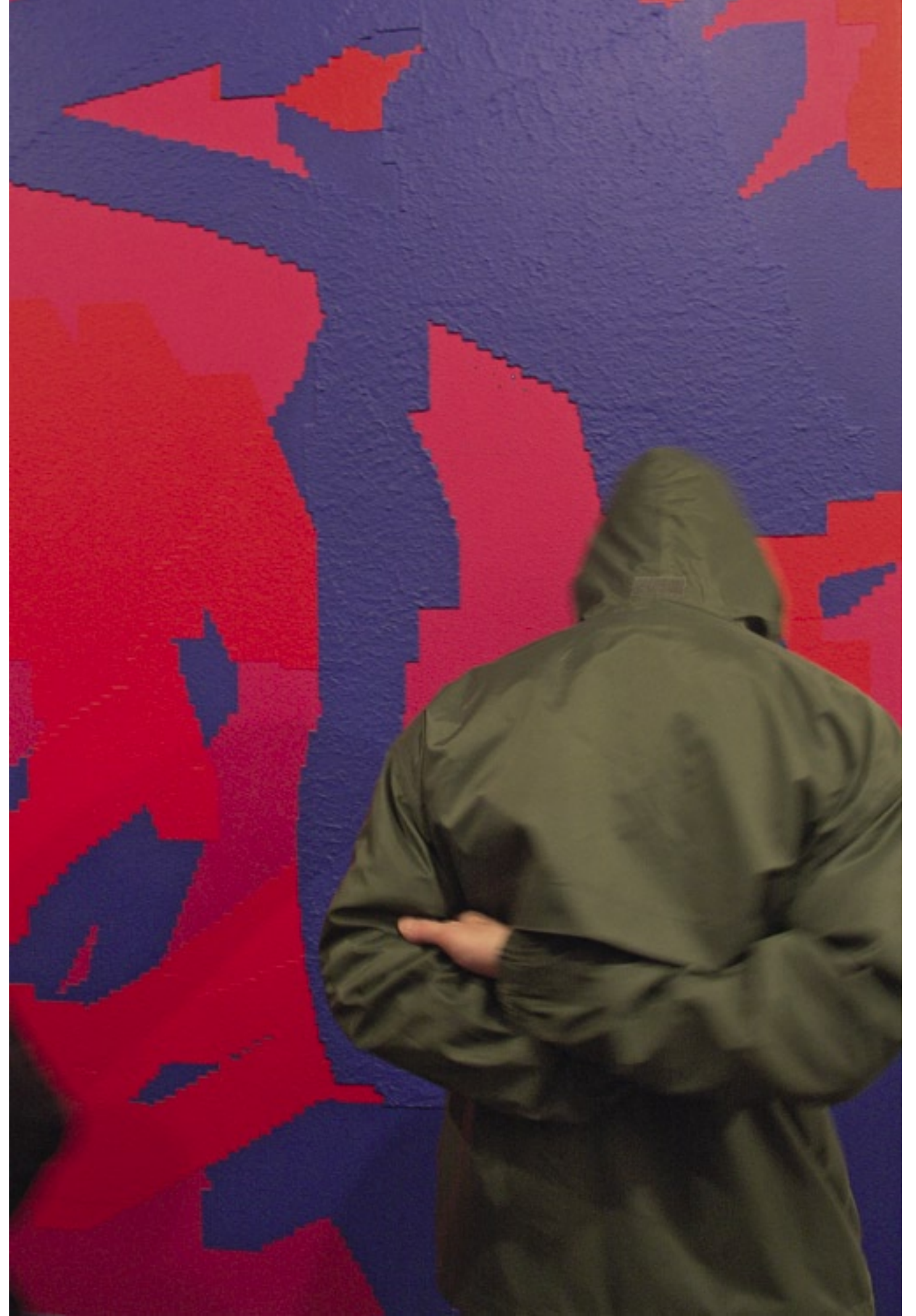
Козырев: Как говорил Бердяев, Третий Рим превращается в Третий интернационал...

Захаров: Здесь лучше, чем Бердяев, не скажешь. А во что превратился Третий Интернационал? В молчаливое торжество фундаменталистского рыночного подхода. И все бы ничего. Но после восемнадцати лет непрерывного рыночного строительства кризис заставил нас почувствовать: «что-то неладно в датском королевстве».

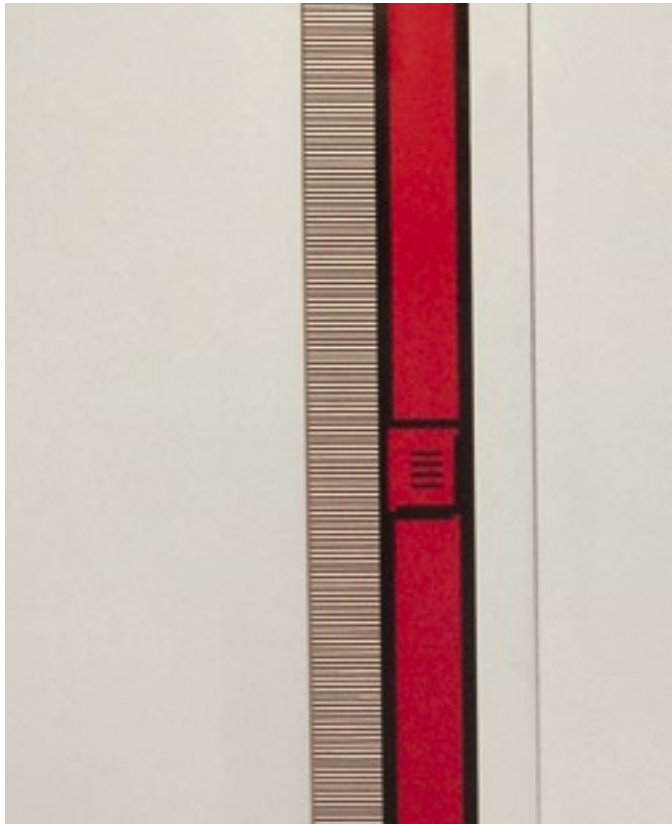
«Ценностные аспекты кризиса»

Захаров: А что у нас не так? Трудно сказать определенно, если не говорить о переживаемых сегодня текущих социально-экономических трудностях. Но подчас возникает ощущение, что в отсутствие у общества сверхзадачи (создание рынка таковой не стало) образовался некий духовно-ценностный вакуум, который мы стараемся заполнить гламуром, глянцевыми стандартами новой жизни, непрерывными шоу-программами или сериалами и еще чем-то. И что? Может, у нас наступил очередной кризис ценностей? Но что нового можно сказать миру в этой связи после Моисеевых заповедей, Нагорной проповеди, Срединного Пути Будды, взвешенных установок древних китайских учителей?

Козырев: Булгаков говорил, что дело не только в этике, определяемой ценностным строем, но в требовательности определенной конфессии к своим верующим. Одна требовательность у кальвинистов, другая — у старообрядцев. Кто теперь должен быть инстанцией, которая реставрирует эти системы ценностей? Ценности есть. Реестры ценностей, книги о ценностях, но кто эти ценности будет ретранслировать? Кто выполнит роль ретрансляторов?

Георгий Пузенков WHO IS AFRAID («Кто боится») Московский музей современного искусства

Георгий Пузенков WHO IS AFRAID («Кто боится») Московский музей современного искусства

Захаров: Интересные вопросы. К ним бы я еще добавил три знаменитых кантовских: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что смею надеяться?» Мудрый Кант, сравнивая ветхозаветные ценности с христианскими, отметил, что десять Моисеевых заповедей изложены как «принудительные законы». Эти «законы» устремлены на внешнюю сторону дела, в них нет требования морального образа мыслей, что является главным для христианства. По мнению немецкого философа, в чистой религии разума сделка с Богом (т.е. с совестью) невозможна.

Теперь к вопросу о ретрансляторах. Эту роль всегда выполняли и, по-видимому, будут выполнять духовенство (и его институты), пророки, праведники, Учителя духовной мудрости, а также в какой-то мере интеллектуальная элита общества (включая философов), так или иначе ретранслирующая важнейшие ценностные установки через светские каналы коммуникаций. Ну и кроме того, некие особо важные парадигмы парят сами собой в пространстве общественного сознания из века в век. Например, было время когда над миром реяло декартовское «я мыслю, значит, я существую». Потом Владимир Соловьев произнес: «Я стыжусь, следовательно, существую». Теперь нам ближе: я потребляю — следовательно, я существую. Эта «ценность» снизошла на мир из американского потребительского рая при серьезной поддержке голливудской «фабрики грез» — своего рода ретранслятора неких ценностей. Эта «фабрика» много десятилетий подряд талантливо рассказывала миру об «американской мечте». В конце концов урок был усво-

ен. Главная ценностная установка — успех. Вслед успеху должна потянуться живописная цепочка смен бытовых декораций (домов, квартир, костюмов, галстуков и т.д.), которой надлежит выстраиваться в соответствии с непрерывно растущим социальным статусом гражданина. В общем, сложилась достаточно стройная система. Всяческое стимулирование потребительского спроса ведет к непрерывному американскому экономическому росту. А что хорошо для Америки, то служит на пользу и другим странам и народам. В результате жизнь становится для всех лучше и лучше. Чего еще желать?

Козырев: Вспомним «Философию хозяйства» Булгакова. Глава «Потребление» была посвящена еде. Потребление он обосновал следующим образом: это общение с плотью мира, встраивание себя в систему космоса. Сейчас наоборот: потребление — конструирование себя за счет фагоцитарного отношения к миру.

Захаров: В современном мире такая позиция, по-видимому, является доминирующей. Ценности вроде бы существуют, но они вторичны. В отличие от тех времен, когда рождались великие философы и философские системы, сегодня все проще. Кто-то сказал, что спокойная совесть — это от дьявола. Сергей Булгаков написал «Философию хозяйства» в начале XX века. Сама тема исследования звучала парадоксально. Какая может быть философия у хозяйства? Какая здесь связь с космосом, с ценностями? Ответ на эти вопросы потребует длительных рассуждений и многочисленных дискуссий. Лучше пока вспомнить (к месту) булгаковскую характеристику эпохи, данную в упомянутом философском трактате: «в жизне- и мироощущении современного человечества к числу наиболее выдающихся черт принадлежит то, что можно назвать экономизмом нашей эпохи. ...Наше время понимает, чувствует, переживает мир как хозяйство, а мощь человечества как богатство преимущественно в экономическом смысле слова. В противоположность добровольному или насильственному аскетизму францисканско-буддийских эпох истории, презиравших богатство и отрицавших его силу над человечеством, наши эпоха любит богатство — не деньги, но именно богатство — и верит в богатство, верит даже больше, чем в человеческую личность». С. Булгаков написал эти строчки почти 100 лет назад (первая часть «Философии хозяйства» была опубликована в 1912 году).

Встает вопрос: изменилось ли что-нибудь в «жизне- и мироощущении» современного нам человечества в начале XXI века?

«Современная критика кризиса»

Захаров: Думаю, что современная критика кризиса лучше всего прозвучит из уст наших современников, и уже тем более это будет интересно услышать от наших американских товарищей. В этой связи мне показалась интересной точка зрения профессора Нью-Йоркского политехнического института (с двадцатилетним стажем работы на валютном рынке!) Нассима Талеба, изложенная им в интервью газете «Ведомости» в марте 2009 года. В последнее время его стали относить к категории людей, которых называют «пророк». Любопытно, что он

входит в число тех немногих, кто предвидел кризис. Его оценки подчас могут выглядеть парадоксально и резко.

В частности, в своей книге «Черный лебедь» Талеб, как отмечают журналисты, «изобразил банкиров и экономистов неполноценными существами, живущими в выдуманном мире математических моделей и сложных систем управления рисками». По его мнению, «нынешняя экономическая система, основанная на кредитовании, себя изжила и должна умереть». Эта система «обанкротилась потому что мир стал слишком сложен и хрупок». Талеб считает: «Хрупкая финансовая система, сталкивающаяся с постоянным усложнением, в конце концов взрывается». И наконец наиболее интригующий вывод: «Может быть, вся западноевропейская протестантская экономическая культура, основанная на кредитовании, росте с помощью накапливания долгов, — это один гигантский пузырь в истории». Во как!

Козырев: Философски это реализация иллюзионизма, который родился в протестантской, кантовской мысли.

Захаров: Да, весь мир как великая иллюзия — это большая тема. Между прочим, имя земной матери Будды было Майя, что в переводе с санскрита означает Иллюзия. Одновременно Майя — Иллюзия является понятием махаянской философии, характеризующим восприятия Абсолюта несовершенными существами. Согласно буддистскому учению единственно подлинная реальность — это великая Пустота, в которой пребывает Будда как абсолютное единство сущего, неотличимого от Пустоты и неохватимое мыслью. Все остальное мыслимое является Иллюзией (Майя), обманом, игрой сознания. У Канта на этот счет была другая позиция. Он считал, что являющийся мир нельзя принимать за видимость, иллюзию или обман. А вот взрослому, в том числе на трудах Канта, Шопенгауэру больше нравилось сравнение границы этого мира представлений с майей — покрывалом обмана, которое застигает (по ведийской мудрости) «глаза смертным, заставляет их видеть мир, о котором нельзя сказать ни что он существует, ни что он не существует: ибо он подобен сновидению, отблеску солнца на песке, который издали представляется путнику водой, или брошенной веревкой, которая кажется ему змеей».

«Роль философии в эпоху кризиса: заново учиться думать и анализировать».

Фомин, Козырев: Философия может сделать шаг к выходу из кризиса, или задача философии — диагностика, стоическое принятие, психологическая адаптация?

Захаров: Сразу же вспоминается хорошо забытое утверждение из курса марксистско-ленинской философии, о том, что философы до какого-то момента лишь объясняли, как устроен этот мир, а наша (марксистско-ленинская) задача его изменить, т.е. по возможности лучше обустроить. Что тут сказать? Прежде всего — каждый должен заниматься своим делом. Поиск и разработка практических рецептов выхода из кризиса — это дело специально обученных людей: финансистов, экономистов, высоко и невысоко поставленных чиновников, наконец, политиков (из числа ответственных). Это

поле явно не для философов. Если же рассматривать современный кризис, прежде всего и в первую очередь, как кризис системы (или систем) ценностей, то здесь есть еще о чем подумать умным людям, любящим мудрость. Как сказал один из первых русских философов Г. Сковорода еще в XVIII веке: «Мы измерили море, землю и небеса, мы побеспокоили недра земные ради металлов, нашли несчетное множество миров, строим непонятные машины. Что ни день — новые опыты и изобретения. Чего только мы не умеем, чего не можем? Но то горе, что при всем этом чего-то великого не достает».

Прямо скажем, мир сегодня, как и во времена Сковороды, до краев наполнен суетным, а может даже того хуже — вне всякой меры этим суетным переполнен. Отсюда, мне кажется, вытекает одна из первых сверхзадач для современных философов — поелику возможно пытаться, как и прежде, поднимать человеческий дух над всепроникающей и всепоглощающей мирской суетой.

Еще Шопенгауэр учил: «Человек должен возвыситься над жизнью, он должен понять, что все события и происшествия, радости и страдания не затрагивают его лучшей и интимной самости...» Кстати, никто не отрицал и знаменитого завета Дельфийского оракула: *Ἦθι σέαυτόν* — познай самого себя. Тут, без сомнения, есть еще чем заняться. Нельзя обойти вниманием и то, что должно являться прямо-таки священным для любого настоящего философа: непрестанный поиск Истины как способ экзистенции, т.е. существования. Мудрецы учат, что можно не располагать Истиной, но пребывать в ней. А еще можно стремиться к Истине и уже от этого становится хоть немного лучше. По мнению философов, «это способ вознесения к изначальной причастности к божественности». Кстати о поисках Истины. Известный французский литератор маркиз де Кюстин, посетивший в свое время наше Отечество по приглашению Николая I, в своей книге «Россия в 1839 году» написал: «...До сих пор я думал, что истина необходима человеку как воздух, как солнце. Путешествие по России меня в этом разубеждает. Лгать здесь — значит охранять престол, говорить правду — значит потрясать основы».

Гете сказал: «Хочешь радоваться себе, придавай ценность миру». В этой связи просто хочется попросить философов подналечь на решение задачи «по приданию ценности миру». Надеюсь, что многим от того станет радостно.

Философское слово сегодня может и должно звучать так же выразительно, как эпиграф знаменитого герценовского «Колокола»: «Зову живых». Живых, то есть мыслящих. И последнее (караул устал). Когда юного Артура Шопенгауэра в возрасте 23 лет спросили, зачем он отважился заняться такой бесполезной дисциплиной, как философия, он ответил: «Жизнь — сомнительная штука; я вознамерился посвятить ее осмыслению». Глубокое осмысление жизни — это насущная потребность любого времени, в том числе и нынешнего.

Может быть, Мир (и его неотъемлемая часть Россия) ждет как никогда сегодня нового, серьезного, обязательно вдохновенного, мудрого Слова. Ждет, по-видимому, сам об этом не догадываясь и не отдавая себе в этом отчет. Есть Надежда, что это Слово придет...

